

Доброхотов А. Л. Избранное. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2008. 472 с.

Книга, о которой пойдет речь, представляет собой сборник статей, написанных автором за последние 20 лет. В нее вошли 19 текстов, в разное время появлявшихся в отечественных интеллектуальных журналах, сборниках и ежегодниках, а также 17 словарных статей, написанных для известного «Философского энциклопедического словаря». Собранные под одной обложкой, эти тексты представляют собой отчет о проделанной автором работе, с чем и хочется поздравить как его самого, так и будущих читателей этого удачного издательского проекта (книга вышла в серии «Университетская библиотека Александра Погорельского» стараниями давнего публикатора текстов Доброхотова В. В. Анашвили).

Что же осталось за рамками настоящего издания? Это академические книги Доброхотова, хорошо известные профессиональному философскому сообществу («Учение досократиков о бытии» (1980), «Категория бытия в классической западноевропейской философии» (1986)), вышедшая в серии «Мыслители прошлого» книга о Данте (1990), а также ряд интервью и предисловий, написанных автором к изданиям классиков мировой интеллектуальной литературы (среди них стоит отметить статью о Сведенборге, вышедшую с опубликованной в рамках библиотеки «*Arbog mundi*» книгой шведского мистика «О небесах, о мире духов и об аде» (1993)). Таким образом, перед читателем, с одной стороны, сознательный выбор «малых жанров» и, с другой стороны, попытка уйти от чисто академического историко-философского дискурса к текстам, если можно так выразиться, «для широкого круга читателей» (хотя по поводу последнего определения нам еще понадобится сделать некоторые оговорки). Своей структурой «Избранное» Доброхотова напоминает другое известное издание — книгу С. С. Аверинцева «София-Логос» (1999), тоже составленную из словарных статей (для знаменитого двухтомника «Мифы народов мира») и его журнальных текстов.

К какому жанру можно отнести эту книгу? Ответить на этот вопрос не сложно, если обратить внимание на то, что первая редакция одного из текстов сборника впервые была опубликована в 2000 г. в серии «Философия на пороге нового тысячелетия» (статья «Мифологические и литературные мотивы гностицизма в свете спекулятивного метода Гегеля»), а название и ключевые вопросы одного небольшого интервью «Наказания и дары», которое автор дал университетской газете «Татьянин день» (1998), вероятно, повлияли на название и содержание сборника известного православного публициста диакона Андрея Кураева «Дары и анафемы», имеющего подзаголовок — «Размышления на пороге третьего тысячелетия». Перед нами *размышления автора на рубеже веков*, что, конечно, определяет всю тональность сборника. Причем мы можем смело отнести автора к знатокам данного жанра — не случайно такое большое место и в сборнике, и вообще в сфере интересов Доброхотова играют классические для данного жанра произведения: «Божественная комедия» Данте и, если говорить об отечественной публицистике, знаменитые философские сборники «Проблемы идеализма» (1902) и «Вехи» (1909).

О чем же предлагается нам поразмышлять перед лицом нового века? Прежде всего, о *культуре*. Тема эта настолько же избита, насколько и неосвоена. Лишнее подтверждение тому — те грани культуры, о которых берется рассуждать автор. Казалось бы, разговоры о культуре должны уже порядком поднадоесть эрудированному читателю. И культура-этикет, и культура-искусство, и массовая культура, и *cultura mentis* — образование и воспитание, и тот странный разговор о культуре, который нам зачастую предлагают учебники по новомодной «культурологии» (где культура предстает как набор диковин, вроде семи чудес света), и даже философия культуры в духе, скажем Риккерта — все это вещи достаточно обычные и, что называется, «устоявшиеся». Культурология Доброхотова очень не похожа на все эти — более-менее традиционные — образцы дискурсов о культуре. Впрочем, некоторые из них, особенно — эмпирические исследования в области истории культуры, автор считает вполне релевантными способами описания различных элементов культуры («артефактов»), но в целом дистанцируется от них, прибегая для этого к несколько необычному термину «культуралистика».

Тема культуры — сквозная для «Избранного». Трудно, да и не нужно, пожалуй, пытаться даже кратко пересказать идею каждого из тридцати шести текстов, включенных в сборник. Среди артикулированных в заголовках мыслителей и великие философы древности (Гераклит, Парменид, Платон), и философы Нового времени (Декарт, Кант, Гегель), и русские философы XIX–XX веков (Соловьев, Лосев, Мамардашвили). Эти имена давно стали «достоянием культуры», поэтому разговор о них и об их идеях сразу же переключает нас в параллельное обсуждение той традиции европейской интеллектуальной культуры, которая в основном и выступает для Доброхотова пробным камнем для многих его наблюдений и выводов. В условиях девальвации основных жанров гуманитарно-философской литературы, когда на полках магазинов «книг много, а читать нечего», автор заимствует у газетной публицистики прием «информационного повода» и предлагает нам такой вот своеобразный ряд «размышлений по поводу...».

В чем же особенность новой «морфологии культуры», которую предлагает нам автор? Доброхотов предлагает смотреть на феномен культуры, если можно так выразиться, «со стороны», а не «изнутри» самой культуры. Или, как он формулирует: «Небесполезно помнить, что не все на свете есть культура, и не всегда выход из культуры — это плохо». Но что же есть у нас, кроме культуры? Ведь культура — это так много. Двадцатый век, кажется, весь прошел под знаком «наук о культуре» — от этнографии и социологии, до *linguistic turn* и аналитической философии? Доброхотов исходит из того, что, кроме культуры, есть *Разум* и есть *абсолютные ценности*. Эти слова в век нашего то ли постмодерна, то ли полного интеллектуального релятивизма (и произвола), царящего в гуманитарных науках, могут звучать странно. Но автор не боится признаваться в том, что «раньше наука была занятием излишне любознательных чудаков», и, кажется, относится к этим «чудакам» с самой искренней симпатией. *Mainstream* культурологии XX века — от классических работ Сэпира и Уорфа с их гипотезой лингвистической относительности, до осторожно-скептической позиции У. Эко, для которого секрет перевода с одного языка на другой заключается в умении выразить сказанное «на некотором языке, нейтральном по отношению к сравниваем-

мым друг с другом естественным языкам»¹, с их интенцией на отказ от Разума, мышления в пользу примата языковой реальности — получает в программной статье сборника меткое название: «гносеологическая утопия универсального языка». Впрочем, Разум, на который ссылается Доброхотов, это не «универсальный Разум» как его понимали просветители XVII–XVIII веков или позитивизм XIX века, но Разум в духе Канта — способность к идеалам, а не к расчетливым политэкономическим схемам. «У человека есть то, чего нет в природе и чем он не склонен поступаться: его ценности и императив их воплощения», — напоминает автор. Поэтому особое место в сборнике занимает скрупулезный разбор «Рождения трагедии» Ницше. В 70-е гг. XIX в. вызов был брошен «самому Разуму как способу полагания бытия и ценности. Этот вызов должен был оформиться как манифест, и книга Ницше достойно и с блеском сыграла эту роль».

Основательность. Так можно было бы назвать специфику подхода Доброхотова к изучению культуры. Не осмыслив лежащих «по ту сторону» культуры реальностей — Истины, Добра, Красоты — нельзя найти нетривиальный подход к самой культуре. Поэтому так много места в сборнике занимают статьи, посвященные *основополагающим* темам европейской философии: бытию, мышлению, проблеме абсолютных начал («*Беспредпосылочное начало*» в философии Платона и Канта, *Онтология и этика когито*, *Кант о бытии: трансфигурация темы*, ряд словарных статей: «Бытие», «Онтология», «Дух», «Метафизика» и др.). Философия оказывается органично вплетенной в проект новой культурологической науки, тем более, что, с точки зрения автора, «философия полноценно существует лишь в форме истории философии» — связь оказывается в известном смысле взаимной.

К сожалению, в наше время (длящееся, впрочем, уже более ста лет) тому, кто заговорит о ценностях, приходится оправдываться. Абсолютное — обязывает, а любые императивы стали невыносимы для потерявшегося в культуре («отчужденного», если угодно) субъекта. Отсюда — тема *оправдания* в сборнике, представленная сразу тремя статьями (*Оправдание истины как философский замысел Вл. Соловьева; Апология Когито, или Проклятие Валаама. Критика Декарта в «Ненаучном послесловии...» Керкегора; Оправдание культуры: Генезис русской религиозной культурфилософии XIX–XX вв.*). Культура есть одновременно и проклятие, и благословение. С одной стороны, культура есть бесконечный источник непонимания, раздора, войны и конфликта. Тем не менее, замечает автор, «без культуры столкновение человека со всемогущей природой закончилось бы в ее пользу быстрее и радикальнее, чем того хочется большинству из нас». Абсолютные ценности должны воплощаться, но, пожалуй, не любой ценой. Мир — при всем его несовершенстве — есть творение Божие, поэтому и культура, говорит Доброхотов, является своего рода «памятью об утраченном рае» и «духовный произвол еще более страшен, чем природная бесчеловечность». Поэтому в мире людей, в обществе, Дух с необходимостью находит свою институциональную реализацию в качестве науки, искусства, государства и права, Церкви. Однако в мире, где есть культура, но ценности утратили силу, на их место рано или поздно приходят двойники-самозванцы, многочисленные «псевдо-»: псевдофилософия, псевдонаука, псевдоискусство, псевдорелигия. Что нового привносит Ницше, в

¹ Эко У. Сказать почти то же самое. Опыт о переводе / А. Н. Коваль, пер. М., 2003.

чем смысл его «переоценки ценностей»? Ницше приносит с собой «ненависть к истине и любовь к иллюзии», — считает Доброхотов, поясняя: «Плохо не то, что истина отбрасывается, а то, что она систематически извращается».

Разбирая принципиально важный для понимания эпохи Модерна процесс секуляризации, Доброхотов демонстрирует, что на место Церкви поначалу пытаются прийти наука, но, когда она не удержалась на несвойственном для нее месте, «на опустевшее место контрабандой протащили все, что выдавало себя за научное знание. Это обычно называют идеологией». Важность этого анализа понятна. В отечественной истории, предшествовавшей революции 1917 г., позитивизм и марксизм под флагом науки сражались «рука об руку», по разному осуществляя один и тот же, в конечном счете — богоборческий, проект. Подмена такого рода пугала уже В. С. Соловьева, который, глядя на современных ему философов, видел, что «задача познания безусловного постепенно заменяется ими на что-то другое». И когда в культуре присутствует слишком много подобных иллюзорно-призрачных образований, ведущих свою разрушительную по отношению к личности и обществу работу, своего рода «псевдоморфоз» (если вспомнить терминологию Шпенглера), необходимо научиться отличать истинные, в конечном счете — одухотворенные, формы культуры от их многочисленных «извращений». По сути дела, это и есть задача *оправдания*, и эпическое «Оправдание добра» Соловьева стало в конце XIX в. признаком зарождения в России самобытной философской мысли. Как напишет позже П. И. Новгородцев об авторах сборника «Проблемы идеализма», они пришли «к радостному признанию абсолютных начал». Но, — пишет Доброхотов, — вместо триумфа это стало началом пути «на историческую Голгофу русской мысли».

Попытку дать очерк самосознания отечественной правовой культуры автор предпринимает в одном из самых объемных тестов, включенных в сборник (*Белый Царь, или метафизика власти в русской мысли*). Начав с разграничения разных типов культурных феноменов, так или иначе соответствующих слову «власть», и выделив среди них власть в узком смысле слова (которая и не власть силы, и не власть денег, и даже не власть авторитета), Доброхотов обращается к анализу десяти сюжетов русской истории, «которые были поводом для постоянных споров о сущности и природе власти» в русской культуре. Начав с полуполюгендарного призвания к власти варягов в 862 г., он заканчивает свой анализ февральской и октябрьской революциями 1917 г., свободное осмысление которых происходило, по большей части, уже в эмиграции. Впрочем, и в других работах сборника время от времени анализируются важнейшие феномены, связанные с властью. Это и *абсолютизм* как особый принцип организации власти в обществе, переживающем кризис сословного устройства, и феномен *идеологии*, тесно связанный с разными способами манипулировать личностью: то предельно атомизируя ее, то, напротив, растворяя личность в собирательном субъекте класса-нации-народа. Размышления о власти традиционно сложны, и нередко подчиняются принципу *suī prodest*, однако выбранный автором способ подачи материала позволяет, как мне кажется, удачно обойти «подводные камни» рассуждений о политике.

Но все же, ключевым в понимании современного состояния европейской культуры для Доброхотова является «сакральная основа Европы». Вот начало

статьи «Философия и християнство»: «В настоящий момент мы оказались свидетелями длящегося завершения грандиозного, исторически беспрецедентного опыта Нового времени — построения культуры без религии. Этот эксперимент прошел длинный, многосложный, далеко не бесплодный путь: от светлого гуманизма XIV в. до сатанинского карнавала XX в. Сейчас культурная программа Нового времени подвергается всесторонней ревизии; отрезвление и разочарование наступили давно и сами уже имеют некую многоступенчатую историю. На очереди то, что по-конфуциански можно назвать «исправлением имен»: пришло понимание того, что философия это не идеология, вера это не сентиментальное переживание и не этическая добропорядочность, что церковь — не департамент благочестия и т. д. Намного труднее понять, чем они являются по своей сути, но попытки ответить на этот вопрос собственно и составляют переход к другой культурной эре». Много страниц посвящает автор оправданию «веры отцов» (Соловьев). И тут опять на пути — многочисленные «извращения» христианства — от гностицизма, который, как показывает Доброхотов, незаконно приписывается диалектическим построениям Гегеля, до «агрессивно-суицидного героизма» русских революционеров, отличающего их жертву от подвига христианских мучеников.

Кто-то может увидеть в основных темах «Избранного» знакомую триаду «православие-самодержавие-народность». Не исключен и такой взгляд на эту книгу. Ведь сам автор признается однажды, что в сфере интеллектуальной культуры — с ее динамизмом — «удобнее выдать старое за новое, чем его сохранять и лелеять». Однако главный вопрос — «Что значит быть христианином сегодня?» — предстает перед читателем во всей его экзистенциальной противоречивости. Ведь готовые ответы, которые мы можем найти, допустим, в культуре конца «синодальной эпохи» церковной истории, будут ответом неизбежно в прошедшем времени. Автор предупреждает читателя и о крайностях редуционизма. Нельзя оправдать веру двумя равно неадекватными способами: «превращая ее или в морально-социальный рационализм, или эмоционально-индивидуалистический иррационализм».

Значение культурологии, ее социальная востребованность в итоге формулируется достаточно лаконично: «культурология освобождает нас от ложной необходимости примириться с данностью». Не всякая форма культуры, не все, что вышло из мастерской человечества, может претендовать на нашу любовь, понимание, на нашу свободу. Но, принимая «императив служения высшему», человек получает в дар самое ценное, что есть для него в мире, — свою душу, самого себя.

К числу недостатков книги можно отнести отсутствие *предисловия*, которое могло бы сыграть роль путеводителя по лабиринтам авторской мысли. Все-таки надо признать, что непростые темы, разбираемые на сотнях страниц книги, сама идея презентовать читателю *новый взгляд* на культурологию, требуют, пожалуй, большей снисходительности к потенциальному читателю этого замечательного сборника.

*Иерей Евгений Гнатенко
(ЛГУВД им. Э. А. Дидоренко)*